

Александр Островский

Правда хорошо, а счастье лучше

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
О-77

O-77 **Островский А.**
Правда хорошо, а счастье лучше / Александр Островский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-2321-4

Александр Николаевич Островский и по сей день является самым популярным русским драматургом. Его экранизируют, по его пьесам ставят спектакли.

Кажется, только появившись на свет, пьесы Островского обречены были стать русской классикой: настолько ярки и одновременно обобщенны характеры его героев.

ISBN 978-5-4241-2321-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Александр Николаевич
Островский
Правда – хорошо, а счастье
лучше

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Амос Панфилыч Барабошев, купец, лет за 40, вдовий.

Мавра Тарасовна, его мать, полная и еще довольно свежая старуха, лет за 60, одевается по-старинному, но богато, в речах и поступках важность и строгость.

Поликсена, дочь Барабошева, молодая девушка.

Филицата, старая нянька Поликсены.

Никандр Мухояров, приказчик Барабошева, лет 30.

Глеб Меркульч, садовник.

Палагея Григорьевна Зыбкина, бедная женщина, вдова.

Платон, ее сын, молодой человек.

Действие происходит в Москве.

Сад при доме Барабошевых: прямо против зрителей – большая каменная беседка с колоннами; на площадке, перед беседкой, садовая мебель: скамейки с задками на чугунных ножках и круглый столик; по сторонам кусты и фруктовые деревья; за беседкой видна решетка сада.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Филицата и Зыбкина.

Зыбкина. Ах, ах, ах! Что ты мне сказала! Что ты мне сказала! То-то, я смотрю, девушка из лица изменилась, на себя не похожа.

Филицата. Все от любви, сердце ноет. И всегда так бывает, когда девушек запирают. Сидит, как в тюрьме, – выходу нет, а ведь уж в годах, уж давно замуж пора... Так почему дивиться-то?

Зыбкина. Да, да. Что ж вы ее замуж-то не отдаете? Неужели женихов нет?

Филицата. Как женихов не быть, четвертый год сватаются; и хорошие женихи были; да бабушка у нас сильно характерна. Коли не очень богат, так и слышать не хочет; а были и с деньгами, так, вишь, развязности много, ученые речи говорит, ногами шаркает, одет пестро; что-нибудь да не по ней. Боится, что уважения ей от такого не будет. Ей, видишь ты, хочется зятя и богатого, и чтоб тихого, не из бойких, чтоб он с затруднением да не про все разговаривать-то умел; потому она сама из очень простого звания взята.

Зыбкина. Скоро ль ты его найдешь такого!

Филицата. И я то же говорю. Где ты нынче найдешь богатого да неразвязного? Кто его заставит длинный сертук надеть али виски гладко примазать? Вяжет-то человека что? Нужда. А богатый весь развязан и уж, обыкновенно, в цветных брюках... Ничего не поделаешь.

Зыбкина. Уж само собой, что в цветных; потому, Какая ж ему неволя!...

Филицата. Мудрит старуха над женихами, а внучка, между тем временем, влюбилась, да и сохнет сердцем. Кабы у нас знакомство было да вызвали Поликсену почаще в люди, так она бы не была так влюбчива; а из тюрьмы-то первому встречному рад: понравится и сатана лучше ясного сокола.

Зыбкина. Одного я понять не могу: в этакой крепости сидючи, за пятью

замками, за семью сторожами, только и свету, что в окне, – как тут влюбиться? Мечтай сколько хочешь, а живого-то нет ничего. Ведь чтобы влюбиться очень-то, все-таки и видеться нужно, и поговорить хоть немножко.

Филицата. Ох, все это было, и не немножко. Разумеется, завсегда в этом мы, няньки, виноваты, мы – баловницы-то. Да ведь как и не побаловать! Вижу, в тоске томится – пусты, мол, поболтает с парнем для времяпровождения. А случай как не найти? Хоть сюда в сад проведу, никому и в лоб не влетит. А вот оно что вышло-то.

Зыбкина. Очень разве уж полюбила-то?

Филицата. До страсти полюбила. Сама суди: характер огневой, упорная, вся в бабушку. Вдруг ей придет фантазия; хочу, говорит, его видеть беспременно! А в другой раз никак нельзя, а ей вынужда положь, – вот и вертись нянька как знаешь, И день и ночь ноги трясутся, так вот и жду, так вот и жду, что до бабушки дойдет; куда мне тогда деваться-то? А моя ля вина, я давно твержу: «Пора, пора, что вы ее переращиваете, куда бережете?» Так бабушка-то у нас совсем состарилась, девичье-то положение понимать перестала. Я, говорит, живу же, ни об чем помышления не имею. На-ка! В семьдесят-то лет! А ты свою молодость вспомни!

Зыбкина. Диковинное дело, что у такого богатого, знаменитого купца дочь засиделась.

Филицата. Какой он богатый, какой знаменитый? Бабушка характерна, а он балалайка бесструнная, – никакого толку и не жди от них. Старуха-то богата, а у него своего ничего нет, он торгует от нее по доверенности, – дана ему небольшая; во сколько тысяч, уж не знаю. Да и то старуха за него каждый год приплачивает.

Зыбкина. Что ж им за радость в убыток торговать?

Филицата. Бабушка так рассуждает: хоть и в убыток, все-таки ему занятие; нарушь торговлю, при чем же он останется. Да уж морщится сама-то, видно, тяжело становится; а он, что дальше, то больше понятие терять начинает. Приказчик есть у нас, Никандра, такой-то химик, так волком и смотрит; путает хозяина-то еще пуще, от дела отводит, – где хозяину убыток, а ему барыш. Слышим мы, на стороне-то так деньгами и пошвыривает, а пришел в одном сертучишке.

Зыбкина. Знаю я все это, – сын мне сказывал.

Филицата. Ты за каким делом к хозяину-то пришла?

Зыбкина. Все об сыне. Да занят, говорят, хозяин-то, подождать велели. Взять я сына-то хочу, да опять беда, долг меня путает. Как поставила я его к вам на место, так хозяин мне вперед двести рублей денег дал, – нужда была у меня крайняя. И взял хозяин-то с меня вексель, чтоб сын заживал. Да вот горе-то мое, нигде Платоша ужиться не может.

Филицата. Отчего бы так? Кажется, он парень смирный.

Зыбкина. Такой уж от рождения. Ты помнишь, когда он родился-то? В этот год дела наши расстроились, из богатства мы пришли в бедность, муж долго содержался за долги, а потом и помер, сколько горя-то было у меня! Вот, должно быть, на ребенка-то и подействовало, и вышел он с повреждением в уме.

Филицата. Какого же роду повреждение у него?

Зыбкина. Все он, как младенец, всем правду в глаза говорит.

Филицата. В совершенный-то смысл не входит?

Зыбкина. Говорит очень прямо, ну, значит, ничего себе в жизни составить и

не может. Учился он хоть на медные деньги, а хорошо, и канторскую науку он всю понял; учителя все его любили и похвальные листы ему давали – и теперь у меня в рамках на стенке висят. Ну, конечно, всякому мило в ребенке откровенность видеть, а он и вырос, да такой же остался. Учатся бедные люди для того, чтоб звание иметь да место получить; а он чему учился-то, все это за правду принял, всему этому поверил. А по-нашему, матушка, по-купечески: учись, как знаешь, хоть с неба звезды хватай, а живи не по книгам, а по нашему обыкновению, как исстари заведено.

Филицата. Что же ему у нас-то не живется?

Зыбкина. Да нельзя, матушка. Поступил он к вам в кантору булгахтером, стал в дела вникать и видит, что хозяина обманывают; ему бы уж молчать, а он разговаривать стал. Ну, и что же с ним сделали! Начали все над ним смеяться, шутки да озорства делать, особенно Никандра; хозяину сказали, что он дела не смыслит, книги путает, – оттерли его от должности и поставили шутом. (*Оглядываясь.*) Какой у вас сад распектенный!

Филицата. Сама старуха за всем наблюдает; и сохрани бог, коли кто хоть одно яблоко тронет. А куда бережет? Ведь не торговать ими. Ужо, к вечеру, я пойду со двора, так занесу тебе десяток либо два.

Зыбкина. Спасибо.

Филицата. Надо мне сходить по нашему-то делу; колдуна я нашла.

Зыбкина. Ужели колдун?

Филицата. Колдун не колдун, а слово знает. Не поможет ли он моей Поликсене? Все его в Москве не было, увидала я его третьего дня, как обрадовалась!

Входит Глеб, крутя в зубах веревку из мочалы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Филицата, Зыбкина, Глеб.

Филицата. Меркулыч, ты мешок-то с яблоками убрал бы куда подальше; а то в кустах-то его видно. Сама пойдет да заметит, сохрани господи!

Глеб. Прибрано.

Филицата. То-то же.

Глеб. А ты почем знаешь, что он с яблоками? Может, там у меня жемчуг насыпан?

Филицата. Не жемчуг, видела я.

Глеб. Понюхала. Эко у вас любопытство! Ну уж!

Филицата. Тебя же берегу, Меркулыч.

Глеб. Не надо, я сам себя берегу. Кабы в сад, окромя меня да хозяев, никому ходу не было, ну, был бы я виноват; а то всякий ходит, значит с меня взыскивать нечего.

Филицата. Толкуй с тобой! Кому нужны ваши яблоки? Хоть и сшалит кто, ну десяток, много два во все лето, а ты мешками таскаешь.

Глеб. Я виноват не останусь, ты не сумлевайся!

Филицата. Да мне что.

Зыбкина. Заходи ко мне, как пойдешь к колдуну-то!

Филицата. Да уж пойду; там что ни выйдет, а попробую я эту ворожбу. Вон, никак, сама идет, пойдем за ворота, постоим, потолкуем. (*Уходят.*)

Глеб. Я себе оправдание найду.

Входят: Мавра Тарасовна и Поликсена, Глеб отходит к стороне и подвязывает сук у дерева.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мавра Тарасовна, Поликсена, Глеб.

Мавра Тарасовна. Нет уж, миленькая моя, что я захочу, так и будет, – никто, кроме меня, не властен в доме приказывать.

Поликсена. Ну и приказываете, кто ж вам мешает!

Мавра Тарасовна. И приказываете, миленькая, и все делается по-моему, как я хочу.

Поликсена. Ну, вот прикажите, чтоб солнце не светило, чтоб ночь была.

Мавра Тарасовна. К чему ты эти глупости! Нешто я могу, коли божья воля?

...

Поликсена. И много вы, бабушка, не можете; так только уж очень вы об себе высоко думаете.

Мавра Тарасовна. Что бы я ни думала, а уж знаю я, миленькая, наверно, что ты-то вся в моей власти: что только задумаю, то над тобой и сделаю.

Поликсена. Вы полагаете?

Мавра Тарасовна. Да что мне полагать? Я без положения знаю. Полагайте уж вы, как хотите, а мое дело вам приказы давать, вот что.

Поликсена. Стало быть, вы воображаете, что мое сердце вас послушает: кого прикажете, того и будет любить?

Мавра Тарасовна. Да что такое за любовь? Никакой любви нет, пустое слово выдумали. Где много воли дают, там и любовь проявляется, и вся эта любовь – баловство одно. Покоряйся воле родительской – вот это твое должное; а любовь не есть какая необходимая, и без нее, миленькая, прожить можно. Я жила, не знала этой любви, и тебе незачем.

Поликсена. Знали, да забыли.

Мавра Тарасовна. Вот как не знала, что я старуха старая, а мне и теперь твои слова слушать стыдно.

Поликсена. Прежде так рассуждали, а теперь уж совсем другие понятия.

Мавра Тарасовна. Ничего не другие, и теперь все одно; потому женская природа все та же осталась; какая была, такая и есть, никакой в ней перемены нет, ну и порядок все тот же: прежде вам воли не давали, стерегли да берегли, – и теперь умные родители стерегут да берегут.

Поликсена (*смеясь*). Ну, и берегите, да только хорошенъко!... (*Отходит к стороне.*)

Мавра Тарасовна (*Глебу*). Вижу я, Меркулыч, что тебе у нас жить надоело, – больно хорошо место, не по тебе. Так ищи себе такого, где от вас дела не спрашивают, за пропажу не взыскивают! Оглянись хорошенъко, что у нас в саду-то! Где ж яблоки-то? Точно Мамай с своей силой прошел; много ль их осталось?

Глеб. Убыль есть, Мавра Тарасовна, это я вижу, это правда ваша; у вас глаз на это верный, золотой глаз, – убыль есть, это так точно.

Поликсена (*смеясь*). Яблоков уберечь не можете, а хотите...

Мавра Тарасовна. Погоди, Глеб, постой! до тебя очередь после дойдет. (*Медленно подходит к Поликсене.*) Это ты что же, миленькая, с кем так разговариваешь?

Поликсена. Сама про себя. Да я уж и забыла, что сказала.

Мавра Тарасовна. Ты не огорчайся, что ты позабыла; я запомню. Будешь ты сидеть дома под замком вплоть до свадьбы.

Поликсена. До какой свадьбы?

Мавра Тарасовна. А вот когда я найду тебе, миленькая, жениха по своей мысли.

Поликсена. А коли найдете по своей мысли, так сами за него и выходите, а мне какая надобность.

Мавра Тарасовна. Уж извини, надобностей твоих мы разбирать не станем, а отдадим за кого нам нужно.

Поликсена. Утешайтесь в мыслях-то, утешайтесь!

Мавра Тарасовна. Да не то что в мыслях, а и на деле будет то самое. Знаю я это твердо и так-то покойна, как нельзя быть лучше.

Поликсена. Бывает, что и бегают из дому-то.

Мавра Тарасовна. Бегают, у кого привязки нет.

Поликсена. А меня что удержит?

Мавра Тарасовна. Приданое богатое. Пожалеешь его, миленькая, не брошишь. Да вот что: уж очень ты разговорилась, — а птица ты еще не велика, и не пристало мне с тобой много разговорных слов говорить. Есть у тебя охота, так болтай с нянькой. На то она в доме, чтоб твои глупости слушать, за то ей и жалованье платят. Ты грезишь, словно к зубам, а она поддакивает, — вот вам и занятие, — будто дело делаете. Мне распорядок в доме вести, а не балясы с вами точить. А ты мне убегом не грози! Коли замки у нас старые плохи, так слесаря нам по знакомству новые сделают, покрепче.

Поликсена. И вы мне, бабушка, замками не грозите! Кому неволя опротивеет, кто захочет из нее вырваться, тот себе дорогу найдет.

Мавра Тарасовна. Куда это, не слыхать ли?

Поликсена (*на ухо бабушке*). В могилу. (*Уходит.*)

Мавра Тарасовна (*вслед ей*). Ну, миленькая, не вдруг-то туда сберешься, подумаешь прежде.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мавра Тарасовна, Глеб.

Мавра Тарасовна. Где же, Меркульч, яблоки-то?

Глеб. Яблоки? Это точно, как я теперь замечаю, их бы надо больше быть, — умаление есть.

Мавра Тарасовна. Да от чего умаление-то?

Глеб. Вот что, сударыня, Мавра Тарасовна: я их стеречь приставлен...

Мавра Тарасовна. Ну да, ты; я с тебя и спрашиваю.

Глеб. Позвольте! Я их стеречь приставлен, так вы себя успокойте, я вам вора предоставлю.

Мавра Тарасовна. Давно б тебе догадаться. Да ты, пожалуй, далеко искать станешь, так не скоро найдешь; не поискать ли нам самим поближе?

Глеб. Я вам вора предоставлю; потому мне тоже слушать такие слова от вас — ой-ой!

Мавра Тарасовна. Напраслину терпишь, миленький, задаром обидели?

Глеб. Что угодно говорите, на все ваша воля... А только я вам вот что скажу:

нам без ундера никак нельзя.

Мавра Тарасовна. Какого, миленький, ундера, на что он нам?

Глеб. У ворот поставить. Сторожка у нас новая построена, вот он тут и должен существовать.

Мавра Тарасовна. У нас дворники есть.

Глеб. Ну, что дворники! Мужики – одно слово.

Мавра Тарасовна. Ундер ундером, это наше дело; а я с тобой об яблоках толкую.

Глеб. Да ундер для всего лучше, особливо если с кавалерией. Кто идет – он опрашивает: к кому, зачем; кто выходит – он осмотрит, не несет ли чего из дому. Как можно! Первое дело – порядок, второе дело – вид. Купеческий дом, богатый, да нет ундера у ворот – это что ж такое!

Мавра Тарасовна. Ундера, это правда, для всякой осторожности… Я прикажу поискать.

Глеб. А вора, вы не беспокойтесь, я вам найду, я его устерегу. Не для вас, а для себя постараюсь, потому этот вор должен меня оправдать перед вами. Вам обидно, я вижу, вижу; но, однако, и мне… такое огорчение… это хоть кому…

Мавра Тарасовна. Ты с огорчения-то, пожалуй…

Глеб. Ну уж не знаю, перенесу ли. Я вам наперед докладываю. Вон хозяин в сад вышел. (*Уходит.*)

Входят Барабошев и Мухояров.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мавра Тарасовна, Барабошев, Мухояров.

Мухояров (*Барабошеву*). Давно я вас приглашаю: пожалуйте в контору; потому – хозяинский глаз… без него невозможно…

Барабошев. Не в расположении. (*Матери.*) Маменька, я расстроен. (*Мухоярову.*) Мне теперь нужен покой… Понимай! Одно слово, и довольно. (*Матери.*) Маменька, я сегодня расстроен.

Мавра Тарасовна. Уж слышала, миленький, что дальше-то будет?

Барабошев. Все так и будет, в этом направлении. Я не в себе.

Мавра Тарасовна. Ну мне до этих твоих меланхолиев нужды мало; потому ведь не божеское какое попущение, а за свои деньги, в погребке или в трактире, расстройство-то себе покупаете.

Барабошев. Верно… Но при всем том и обида.

Мавра Тарасовна. Так вот ты слушай, Амос Панфилыч, что тебе мать говорит!

Барабошев. Могу.

Мавра Тарасовна. Нельзя же, миленький, уж весь-то разум пропивать; надо что-нибудь, хоть немножко, и для дому поберечь.

Барабошев. Я так себя чувствую, что разум у меня для дому достаточно.

Мавра Тарасовна. Нет, миленький, мало. У тебя и в помышления нет, что дочь – невеста, что я к тебе третий год об женихах пристаю.

Барабошев. Аккурат напротив того, как вы рассуждаете, потому как я постоянно содержжу это на уме.

Мавра Тарасовна. Да что их на уме-то содержать, ты нам-то их давай.

Барабошев. Через этих-то самых женихов я себе расстройство и получил. Вы

непременно желаете для своей внучки негоцианта?

Мавра Тарасовна. Какого негоцианта! Так, купца попроще.

Барабошев. Все одно – негоцианты разные бывают: полированные и не полированные. Вам нужно черновой отделки, без политуры и без шику, физиономия опойковая, борода клином, старого пошибу, сузdalского письма? Точно такого негоцианта я в предмете и имел, но на деле вышел конфуз.

Мавра Тарасовна. Почему же так, миленький?

Барабошев. Извольте, маменька, понимать, я сейчас вам буду докладывать. Сосед, Пустоплесов, тоже дочери жениха ищет.

Мавра Тарасовна. Знаю, миленький.

Барабошев. Стало быть, нам нужно ту осторожность иметь, чтобы себя против него не уронить. Спрашиваю я его: «Кого имеете в предмете?» – «Фабриканта», – говорит. Я думаю: «Значит, дело вровень, ушибить ему нас нечем?» Только по времени слышу от него совсем другой тон. Намедни сидим с ним в трактире, пьем мадеру, потом пьем лафит «Шато ля роз», новый сорт, мягчит грудь и приятные мысли производят. Только опять зашла речь об этих женихах-мануфактуристах. «Вы, говорит, отдавайте, дело хорошее, вам такого и надо; а я раздумал». – «Почему?» – спрашиваю. «А вот увидишь», – говорит. Только вчера встречаю его, едет в коляске сам-друг, кланяется довольно гордо и показывает мне глазом на своего компаньона. Гляжу – полковник в лучшем виде и при всем параде.

Мухояров. Однако плоха.

Мавра Тарасовна. Ай, ай, миленький!

Барабошев. Как я на ногах устоял, не знаю. Что я вина выпил с огорчения! «Шато ля роз» не действует, а от мадеры еще пуще в жар кидает... Велитика, маменька, дать холдененького.

Мавра Тарасовна. Прохладиться-то, миленький, еще успеешь... Видела я, сама видела, что к ним военный подъезжал. Как же нам думать с Поликсеной-то?

Барабошев. Ты скажи, маменька, обида это или нет!

Мавра Тарасовна. Ну, как не обида? Само собой, обида.

Барабошев. Поклонился да глазами-то так скосил на полковника – на-ка, мол, Барабошев, почувствуй!

Мавра Тарасовна. Ведь зарезал, миленький, зарезал он нас.

Мухояров. Он теперь в мыслях-то подобно как на колокольне, а вы с грязью вровень-с.

Мавра Тарасовна. Но до этого случая ему возноситься над нами было нечем, Амос Панфилыч ни в чем ему переду не давал.

Барабошев. И теперь не дадим. Раскошеливайся, маменька, камуфlet изготовим.

Мавра Тарасовна. Да какой такой камуфlet?

Барабошев. К ним в семь часов господин полковник наезжает, и все они за полчаса ждут у окон, во все глаза смотрят, – и сейчас – без четверти семь, – подъезжает к нашему крыльцу генерал. Вот мы им глазами-то и покажем.

Мухояров. Закуска важная! Сто твоих помирил, да пятьсот в гору.

Мавра Тарасовна. Да где ж ты, миленький, генерала возьмешь?

Барабошев. В образованных столицах, где живут люди просвещенные, там на всякое дело можно мастера найти. Ежели вам нужно гуся, вы едете в Охотный

ряд, а ежели нужно жениха...

Мавра Тарасовна. Ну, само собой, к свахам.

Барабошев. К этому самому сословию мы и обращались и нашли настоящую своему делу художницу. Никандра, как она себя рекомендовала?

Мухояров. «Только птичьего молока от меня не спрашивайте; потому негде взять его; а то нет того на свете, чего бы я за деньги не сделала».

Барабошев. Одно слово, баба орел, из себя королева, одевается в бархат, ходит отважно, говорит с жаром, так даже, что крылья у чепчика трясутся, точно он куда лететь хочет.

Мавра Тарасовна. И тебе не страшно будет, миленький, с генералом-то разговаривать?

Барабошев. У меня разговор свободный, точно что льется, без всякой задержки и против кого угодно. Такое мне дарование дано от бога разговаривать, что даже все удивляются. По разговору мне бы давно надо в думе гласным быть или головой; только у меня в уме суждения нет и что к чему – этого мне не дано. А обыкновенный разговор, окромя сурьезного, у меня все равно что бисер.

Мавра Тарасовна. У тебя есть дарование, а мне-то как, миленький?

Барабошев. И вы так точно, под меня подражайте!

Мавра Тарасовна. А денег-то сколько нужно, как это генералу полагается?

Барабошев. Деньги все те же; но лучше отдать их вельможе, чем суконному рылу.

Мавра Тарасовна. Да шутишь ты, миленький, или вправду?

Барабошев. Завтрашнего числа развязка всему будет: придет сваха с ответом; и тогда у нас рассуждение будет, какой генералу прием сделать.

Мавра Тарасовна. Нам хоть кого принять не стыдно, дом как стеклышко.

Барабошев. Об винах надо будет заняться основательно, сделать выборку из прейскурантов.

Мавра Тарасовна. Да, вот еще, не забыть бы: нужно нам ун더라 к воротам для всякого порядку; а теперь, при таком случае, оно и кстати.

Барабошев. Это дело самое настоящее, я об унделе давно воображал.

Мавра Тарасовна. Так я велю поискать, нет ли у кого из прислуги знакомого.
(Уходит.)

Входит Зыбкина.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Барабошев, Мухояров, Зыбкина.

Зыбкина (кланяясь). Я к вам, Амос Панфилыч.

Барабошев. Очень вижу-с. Чем могу служить? Приказывайте!

Зыбкина. Наше дело – кланяться, а не приказывать. Насчет сынка.

Барабошев. Что же будет вам угодно?

Зыбкина. Коли он к вашему делу не нужен, так вы его лучше отпустите!

Барабошев. В хорошем хозяйстве ничего не бросают; потому всякая дрянь пригодиться может.

Зыбкина. Да что ж ему у вас болтаться; он в другом месте при деле может быть.

Барабошев. И сейчас при должности находится, он у нас заместо Балакирева.